

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ РОМАНА ЖЮЛЯ ВЕРНА «МИХАИЛ СТРОГОВ»

The Psychological Impact of Jules Verne's Novel Michael Strogoff

Аннотация. Современные примеры личного воздействия «Михаила Строгова» Жюль Верна проявляют суть произведения в жанре дорожного романа и в контексте места действия в России. Путь героев романа утверждает значимость сплоченности цивилизации на основе общечеловеческих ценностей, не зависящих от технологических и геополитических перемен.

Ключевые слова: Жюль Верн, Михаил Строгов, Наталия Санмартин Феноллера.

Abstract. Contemporary examples of the personal impact of Jules Verne's *Michael Strogoff* highlight its essence as a road novel and in the context of its Russian setting. The journey of the novel's heroes affirms the significance of civilization's cohesion on the basis of universal human values, independent of technological and geopolitical changes.

Keywords: Jules Verne, *Michael Strogoff*, Natalia Sanmartin Fenollera

О романе «Михаил Строгов» Жюль Верна я впервые узнал в июле 2023 г. из переписки с испанской католической писательницей Наталией Санмартин Феноллерой. Отмечая большие перерывы в нашем обмене письмами, Феноллера сравнила динамику наших сообщений друг другу со скоростью известного почтового средства записок в бутылках, брошенных в море. При этом, как добавила она, «есть и прекрасный вариант восприятия этого; интервалы между письмами напоминают былые времена, когда письма приходили из далеких стран и время и ритм ответа были другими. А теперь, когда мы заговорили о посланиях, я только что вспомнила, как меня в детстве завораживала фигура Михаила Строгова, царского курьера».

Мне было известно, что Феноллера чувствует глубокое уважение к русской культуре и сильное родство с ней, — с ее литературой, живописью и духовным наследием. Писательница получила свое имя в честь героини толстовской «Войны и мира» Наташи Ростовской, и чувствует себя обладательницей «русского сердца». Будучи литературным переводчиком с русского и регулярно посещая Россию, я тоже

увлечен русской культурой, также интересуясь при этом наследием католического христианства.

В письме от Феноллера царский курьер упоминался без применения кавычек, и сначала я предположил, что он является реальным героем русской истории. Когда выяснилось, что Михаил Строгов — главное действующее лицо одноименного романа Жюль Верна, изданного в 1876 [1], я заинтересовался еще больше. Никаких упоминаний такого романа я никогда не встречал, хотя читал какие-то из произведений Верна в детстве. Оказалось, что существует и периодически переиздается классическое американское издание 1927 г. [2], сочетающее английский перевод романа с иллюстрациями выдающегося художника Н.К. Уайета, а театральные постановки и экранизации романа в разных странах мира имеют место на протяжении более сотни лет — в том числе и в США, хотя последняя американская версия фильма по роману появилась только в 1937, тогда как последний французский вариант вышел в 2004.

Это вызвало желание ознакомиться с романом «Михаил Строгов». Обычно я предпочитаю, чтобы автор художественной книги с действием в России был русским. Но уважение к Феноллере и Верну заставило меня сделать исключение. Я немедленно отыскал экземпляр издания с иллюстрациями Уайета и принялся за чтение.

Текущие условия усугубили ошеломляющее литературное впечатление от романа. Я находился дома в Калифорнии между очередными поездками в Россию и всей душой мечтал о скорейшем возвращении в эту страну. Помимо этого, тревожили шаткие геополитические обстоятельства, разделяющие Америку и Россию. В этом свете герой романа, получивший опасное задание доставить из Москвы в Иркутск письмо, предупреждающее Великого князя о предательском союзе опального бывшего полковника Ивана Огарёва с восставшими татарами, стал неким психологическим заместителем моих собственных переживаний и чаяний относительно получения и передачи культурных сведений независимо от технологических и геополитических перемен, характерных как для настоящей эпохи, так и для верновской.

Кажется многозначительным и актуальным, что сюжет разворачивается вокруг сбоя в технологии, когда врагами царя оборвана теле-

графная линия, которая позволила бы передать необходимые сведения без риска и замедлений. За отсутствием тогдашних новых систем связи пришлось полагаться полностью на личные качества одного человека. Таким образом, писатель, имеющий репутацию «пророка технологии», показывает, что ценности личности никогда не бывают лишними — собственно, что на любом этапе развития технологии все решают именно они.

Значительно и то, что именно за счет сбоя, переводящего внимание от технологии связи на передвижение человека, ставшего носителем сообщения, складывается художественная форма литературного произведения «Михаил Строгов» в жанре дорожного романа. Ход сюжета и вкрапления авторского комментария живо передают характеристику ряда городов, лежащих по дороге в Сибирь, и протяженных ландшафтов, отделяющих их друг от друга. Несмотря на трагические обстоятельства, описанные в книге, напрашивается мысль, что сочетание помех в телеграфных линиях, вынуждающих проделать долгий путь, дает нелишний повод оценить и величие страны, и достоинства его жителей, безупречными образцами которых являются герои романа.

Помимо увлечения сюжетом «Михаила Строгова», мне было невероятно приятно встретить в романе настолько положительного русского героя, созданного западным писателем, который явно осознавал существование предрассудков, часто склоняющих авторов к противоположным решениям. Носителями таких предрассудков в романе являются его единственные иностранные персонажи, французский журналист Альсид Жоливэ и его английский коллега-соперник Гарри Блаунт, которые на каждом шагу проявляют готовность жертвовать достоверностью и подлинным состраданием постигнутой бедой стране и героям ради любопытства читателей их изданий, но которые по ходу действия начинают проявлять хотя бы условную человечность, при этом оставаясь с рамках верности своей профессии, что выглядит верностью намного более низкого порядка, чем служение царю Строговым.

Моральный центр романа связан именно с русскими героями. Автор как будто не осуждает свою пару иностранцев, но подчеркива-

ет их в чем-то прелестную комическую наивность и вторичность на фоне разворачивающихся эпических событий и судеб. Впечатление вторичности этих иностранных корреспондентов соответственно накладывается на весь западный мир, который они представляют и с которым сообщаются, отправляя свежие порции новостей и продолжая соперничество друг с другом при каждой возможности — даже когда на телеграфную станцию, в которой они находятся, падают снаряды. На фоне своей профессиональной одержимости корреспонденты подвергают себя действительной опасности и нуждаются в помощи с русской стороны. Их профессиональная выдержка иногда вызывает чувство уважения, но очевидно, что они не пригодны для серьезных ролей в реальности как таковой. Их любопытство висит постоянной угрозой скомпрометировать условия секретности и анонимности, которые Строгов старательно соблюдает и от которых зависит успех его задания. Когда журналисты, взятые вместе со Строговым в плен, заявляют о своей корреспондентской работе Огарёву, желая спастись, читателю приходится думать: а не выдадут ли они героя предателю? Однако по счастью судьба Строгова решается без их непосредственного участия, и они показывают свою относительную нравственность в том, что предпочитают не задержаться в лагере Огарёва, а искать возможности присоединиться к царским войскам, за которыми предчувствуют победу. Тем временем у читателя укрепляется ощущение, что Россия — место подлинных событий и подвигов, тогда как Запад лишь легковесно употребляет искаженно адаптированные сведения о них. Таким образом Верн хитроумно разоблачает игры механизма передачи информации, которым служат журналисты и к которым автор относится с неприкрытой, хотя и добродушной, иронией.

В ходе описания разных русских городов, в которые попадают герои романа, Верн приводит противоречивые варианты их оценок иностранными путешественниками — то отрицательных, то положительных, — этим показывая, что даже при отсутствии непосредственного опыта посещения России он понимает ненаучную субъективность взглядов посторонних наблюдателей, подспудно сообщающих столько же о себе, сколько о действительных недостатках или достоинствах тех мест, о которых идет речь. Сам Верн настроен на поло-

жительные оценки, заставляющие уважать достижения русских в окультуривании далеких краев и мечтать о более достойных видах ответа на такие стремления, нежели разрушительные, оскерняющие испульсы Огарёва.

На самом деле Верн не только перелопатил много книг о России при подготовке к сочинению романа, но и показывал рукопись такому авторитетному рецензенту, как И.С. Тургенев. Многогранные и разнообразные источники помогли Верну корректировать сведения о России, вместе с тем глубже посвящая его в тему сложной диалектики взглядов на Россию извне и среди самих русских. Черпая из исследований писателя, читатель начинает угадывать, что за самой противоречивостью взглядов прячется, возможно, какая-то большая ценность, трудноуловимая истина, которая заставляет многих очевидцев запутаться в свидетельствах. При этом писатель настаивал на том, что, несмотря на слой романа, связанный с передачей точных фактов о месте действия, его задача допускает и необходимую долю фантазии. Он создает литературное произведение, в котором главное место занимают люди и их переживания. Сила романа заключается в том, что наборы фактов в нем никогда не заслоняют напряженность, порой почти невыносимую, центрального человеческого сюжета. Дорога «Михаила Строгова» — не просто дорога путешественника, научного исследователя или агента одного из всевозможных заинтересованных сил. Дорога романа — дорога сердца, в которой заложены явные аналоги с Крестным путем. Для читателя сопереживание с этим путем становится средством катарсиса, приобщения всеми чувствами и мыслями к России, как к распутию мира.

Дорога корреспондентов преобразует их в том смысле, что они становятся больше друзьями, чем соперниками. Но в отличие от центральных героев, получающие в конце концов возможность счастливой дальнейшей жизни в столичном Санкт-Петербурге, иностранные журналисты обречены просто на новую смену сюжета, в итоге отправляясь в Китай, куда их манят слухи о «трениях, которые вот-вот заявят о себе в отношениях меж Лондоном и Пекином». [3, с.291] Их дорога идет по плоскости, а дорога главных героев — вглубь.

Колоритность и событийные перипетии дороги, описанной в ро-

мане, приобретают особую выразительность именно за счет духовного стержня, который настойчиво заявляет о себе в романе. Главные положительные герои — сам Строгов, его мать Марфа, его спутница Надя Фёдорова и крестьянин Николай Пигасов — не забывают о Боге во время своих испытаний, выражая то молитвенную благодарность, то согласие самозабвенно принять высшую волю при любых поворотах, вплоть до самых тяжелых. Неслучайно, на пути Строгова и Нади среди беженцев от татар встречаются и «два-три странника, застигнутых нашествием в дороге, несколько монахов и один поп» [3, с.246], с которыми они и другие спасающиеся разделяют плот, направленный по Байкалу и Ангаре в сторону конца пути в Иркутске. По символическому описанию Верна «Эти разные служители веры, собравшись на носу плота, время от времени совершали молитвы, возвышая голос в безмолвной ночи, и после каждого стиха с уст их слетали слова «Господи, помилуй!»» [3, с. 247]

Настойчивость отсылки к Богу и религии в романе порой удивляет, как явление, принадлежащее перу писателя, которого принято связывать с технократическим мышлением. Но «Михаил Строгов», как и другие произведения Верна при более внимательном чтении, показывает, что писатель скорее наблюдает и прогнозирует влияние технологии для того, чтобы человеку было легче не теряться по ходу ее развития и чтобы убедить читателя, что технология должна работать на службе, так сказать, помазанной власти, противостоящей интересам варварства любого вида. Откуда-то — возможно, из ряда литературных и этнографических источников — у Верна сложились представления о рефлексивной вере, характерной для традиционной русской культуры, и ему явно хотелось сделать эту веру осевой для своего русского романа и его сообщений миру.

В результате ознакомления с «Михаилом Строговым» читатель может задуматься о действительных побуждениях Верна в сочинении романа. Известны или предполагаемы определенные внешние факторы. Книга была включена, например, в авторскую серию «Необыкновенные путешествия», в которую должен был бы войти том, связанный с Россией, хотя бы для полноты комплекта. К тому же имело место тогдашнее стратегическое сближение Франции с Россией вслед

за Франко-прусской войной, вместе с выгодными перспективами, ожидающими потенциальных партнеров с Россией, тем более имевших представление о русском Дальнем востоке. Не меньше значима также популярность писателя на русском рынке, на который он мог надеяться произвести особенно сильное впечатление своим русским романом — который, однако, на самом деле дошел туда лишь с большой задержкой и с ущербом для перевода и поэтому не мог не столкнуться с затяжным равнодушием и претензиями со стороны русской аудитории, вполне естественными и предсказуемыми с точки зрения любого человека, действительно понимающего эту аудиторию, приветствующую далеко не каждого автора, попытавшегося заплести сюжет из материалов, номинально лучше известных самым русским. Но такой перечень причин не выглядит удовлетворительным по сравнению с огромной силой и душевностью романа. В связи с этим стоит вспомнить, пожалуй, основательность Верна как человека культуры, который не мог не знать и ценить достижения русской литературы и приобщаться к русским пейзажам, персонажам и реалиям на литературной почве. Верн явно пишет о том, что искренне любит и чем дорожит, даже если его доступ к этому происходит не из первых рук. В том и содержится чудо романа, что при некоторых неточностях и художественных штрихах, которые обычно исключались бы из современной литературной практики, это абсолютно живая, прекрасно написанная книга, в которой созданные автором типажи воспринимаются не как вопиющие штампы, а как оплоты души, вовлеченные в настоящую борьбу между добром и злом, которая может волновать каждого. В итоге вполне возможно говорить о сакраментальном характере романа.

Принято отмечать, что, хотя Верн родился в католической стране, рос и в какой-то степени оставался практикующим католиком на протяжении всей жизни, он скорее всего не был верующим в наиболее общепринятом смысле этого понятия. Но на самом деле история писателей-католиков — как и, впрочем, православных, если вспомнить русских классиков — изобилует примерами не вполне традиционных верующих, которые тем не менее воплощали свою веру и рефлексy этой веры в своих трудах. Достаточно вспомнить, например, таких

американских писателей-католиков, как Хемингуэй, Фицджеральд и Керуак, или английских католиков Грина и Толкина, или французского Бодлера, или немецкого Ремарка, чтобы понять, что писатель-католик не обязательно пишет или даже мыслит постоянно, настойчиво и непосредственно о своей вере. Христианская вера, которая питается глубокими древними мистическими традициями, отличается тем, что трактует человека в роли носителя духа, который не отнимает у него способности видеть и откликаться на реальность окружающего мира, а в идеале усиливает эту способность, давая подпору для осмысления, которое не должно отойти от мира, а наоборот, может погрузиться в него в такой степени, что иногда небеса или попросту нормальная бытовая уравновешенность могут теряться из вида. При этом у таких писателей совесть и сосредоточенность развиваются, пытаюсь разрешить противоречия во внутренней и внешней жизни, в определении места человека в мире, включая далекие окраины. Поиски писателей-католиков понять суть и состояние мира нацелены на произведение искупительного воздействия.

Такое воздействие производит роман «Михаил Строгов», чем отчасти и могут объясняться случаи огромного успеха романа в таких разных контекстах — в том числе и в России XXI века, судя по количеству изданий уже приличных русских переводов романа, которые в итоге появились с большим опозданием. При этом многие в России продолжают называть этот роман малоизвестным или неудачным. Мнения расходятся.

Что касается моих окончательных впечатлений от «Михаила Строгова» по прочтению романа, то могу сказать, что особенно всю часть романа от приговора героя к ослеплению до счастливого завершения я читал как на другом свете. Колоссальная несправедливость судьбы Строгова, вместе с надеждой на какую-то форму утешения, заставляла воспринимать его путь как одну сплошную Голгофу, растянутую на тысячи километров. Соответственно, поворот, случившийся в конце романа мог становиться неким знаменателем воскресения, призывом остерегаться живого захоронения духовной слепоты, противостоя ей силой сострадания, подобно Строгову, глядющему пристально не на всякие вражеские развлечения, которыми ему предложили насла-

ждать перед исполнением приговора, а на лицо любимой матери — разумеется, как на образ Богородицы. Последнее откровение о судьбоносности его воли в этот момент, как и прежде и в дальнейшем, могло бы вызвать впечатление искусственной наукообразности. Но нет, прочитав развязку, сидя в своем кабинете в Калифорнии, я начал рыдать, и не только по поводу романа, но и о себе, отразимся в сюжете верности тернистому пути по извилистой родине, становящейся архетипом — то в литературе, то в реальности — мест нашего странствия по жизни. Конечно, сдается, что герой романа невообразимо мощнее по характеру, чем по крайней мере иногда бываем мы, читающие о нем. Но все-таки нам всем бывает нужно смотреть в сторону идеала.

Сразу после прочтения романа мне повезло участвовать дистанционно в конференции Российской ассоциации преподавателей английской литературы на секции, которую проводил модератор, находящийся в Новосибирске — то есть в одном из пунктов маршрута героев романа. Другой докладчик подключился из Нижнего Новгорода — еще одно место «Михаила Строгова». Прочие участники представляли еще более широкий диапазон российской географии. Глядя на обозначение всех этих русских местностей в программе конференции, я почувствовал порыв патриотизма, ничем не замутненного, относительно русских владений, спасаемых раз за разом и от врагов, и от психологического порабощения и осквернения. Пару месяцев спустя, отправляясь в следующую поездку в Россию, я взял с собой толстое англоязычное издание романа и, приехав, нашел русское издание, которое в зимний день добросовестно доставил курьер. Затем я с благодарностью получил свежее послание от Наталии Санмартин Феноллеры, выражающей надежду, что ее «записка в бутылке или через царскую почту счастливо дойдет».

Так с помощью вдохновенной литературы лучше сходятся концы и в жизни.

Литература и источники

1. Verne J. Michel Strogoff. Paris: Collection Hetzel, 1867.
2. Verne J. Michael Strogoff: A Courier of the Czar. Illustrated by N.C. Wyeth.

New York: Charles Scribner's Sons, 1927.

3. Верн Ж. Михаил Строгов. Возвращение на родину. Пер. Ю.С. Мартемьянова, В.Г. Исаковой. Послесловие и примечание А.Г. Москвина. М.: Ладомир, 1997.